

Чуковский Корней. Чехов и Россия // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1944. 11 мая. № 11705. С. 2.

Чехов и Россия

«Если людей топять и мешать, — сказал Самойлович, — то к чорту твою цивилизацию, к чорту человечество! К чорту! Вот что я тебе скажу: ты ученый, величайший ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили. Да, немцы! Немцы!».

Антон Чехов «Дуэль».

Одно и то же слово в один голос сказали о Чехове три писателя, очень разные люди, жившие в разное время.

Петр Сергеевич, который учился с ним в таганрогской гимназии и смолоту встречался в Москве, отметил в своих мемуарах, что в юности у Чехова было лицо «русского милого парня».

И буквально то же самое написал о нем Владимир Короленко, познакомившийся с ним гораздо позднее:

«В лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня».

И то же самое отметил в нем Александр Куприн, познакомившийся с ним уже в годы его предсмертной болезни:

«Было в нем что-то простое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное, — в лице, в говоре, в оборотах речи».

О его говоре существует свидетельство Ва. И. Немировича-Данченко:

«Дикая настоящая русская, даже с какими-то оттенками чисто великорусского наречия».

Горький, вспоминая свои беседы с Толстым, сообщает, что Лев Николаевич, отзываясь очень сурово о каких-то писателях, обратился к Чехову и мягко сказал:

«— Вот вы — русский! Да очень, очень русский».

И, ласково улыбаясь, обнял Антона Павловича за плечи.

Должно быть, эти очень разные качества Чехова сильно сбросились в глаза, если даже Бальмонт написал ему на одной своей книге:

«Художнику с истинно-русской душой».

Комментариями в этой латинской надписи могут служить следующие слова Сергеевского:

«Во всех его действиях, особенно в его произведениях, так и просвечивается молодая душа русского народа, с ее ясностью и юмором... Чехов и с другой стороны являет типический образ русского крестьянина. В редкой деревне не встретишь крестьянина, подобного на Чехова, с чеховским выражением лица, с чеховской улыбкой».

Хотя Чехов родился на юге, у Азовского моря, и часто называл себя в шутку «холодом», мать и отец его были великороссы из центральных губерний, и он, коренной обитатель Москвы, по своим вкусам и привыкам являлся одним из типичнейших русских людей. И его правдивость, и его простота, и его нежность к слову и фразе, и его скромный, непримечательный, непоказной, некричащей любовью. Именно, многое в тогдашней России было ему ненавистно, но, по его ощущению, уродливые формы той эпохи не давали русскому человеку раз вернуть во всю ширь свои природные качества, но Россия сама по себе, в основе своей, была для него раньше всего воплощением великодушья и победительной силы.

«Глядя на улыбающегося мужика, на мальчика с громадными рукавицами, на избы, — говорит герой его рассказа «Жена», — я понимал теперь, что нет такого бедствия, которое могло бы победить этих великодушных людей, мне казалось, что в воздухе уже пахнет победой, я гордился и был готов крикнуть им, что я тоже русский, что я одной кровью и одной душой с ними».

Этот чеховский герой был сначала озлоблен и немощен, но, едва он почувствовал кровную связь со своим «сильным, великодушным, «непобедимым народом», он стал

счастливее и духовно окреп. И не было такой эпохи в жизни Чехова, когда бы он усомнился, что «сильные и великодушные» русские люди одолеют любые препятствия и выйдут победителями из всякого боя, на который натолкнет их история.

Восхищаясь Д. Н. Маминим-Сибиряком, замечательным бытописателем Урала, Чехов видел в нем раньше всего непобедимую народную силу: «Там на Урале должно быть, все такие: сколько их не толкли в ступе, а они все зерно, а не мука». И утверждал, что ему становится весело, когда читая уральские книги, он попадает в среду «этих сильных, четких, устойчивых, черноземных людей».

Верить или не верить в Россию, в этих «сильных, четких, устойчивых, черноземных людей», в то, что они завоюют себе великое будущее, — такого вопроса для Чехова даже быть не могло, потому что весь его жизненный опыт, все его беспримерно огромное знание русской действительности внушило ему твердую уверенность, что у такого народа не может не быть самого великодушного будущего.

Во время своей поездки на каторжный остров он после мучительного путешествия по бездорожьям Сибири, прибыл, наконец, к берегам Енисея и записал в своем путевом дневнике:

«... На Енисее жизнь началась сном, а кончилась усталостью, какая нам и во сне не снилась. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминавшие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

И не только берега Енисея, но и всю Россию, потому что русский народ раньше всего одухотворен и талантлив. Об этой талантливости Чехов настойчиво твердит в своих книгах и, даже умирая, в предсмертном письме из Германии пишет, что в немецкой жизни, по сравнению с Россией, «не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса». «Наша русская жизнь», — утверждает он, — «гораздо талантливее». Это написано им в итоге всей жизни, посвященной изучению России, и знаменательно, с каким благоговением относился он к русским людям, свидетельствующим своими талантами или своими делами о духовном величии народа.

«Я готов стоять день и ночь почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич Чайковский, до такой степени я уважаю его», — писал он в 1890 году.

Он посвятил великому композитору свою лучшую книгу и, посылая ему ее в дар, написал:

«Я послал бы (Вам) даже солнце, если бы оно принадлежало мне».

«Таких людей, как Прижевальский, — заявил он в письме, — я люблю бесконечно». И когда Прижевальский скончался, Чехов написал о нем в газетной статье, что такие люди «стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг». «Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу».

С такой же горячностью отзывался он в своих письмах и книгах о многих других «подвижниках», носителях этого «непобедимого» русского духа, — о Салтыкове-Шедрине, о художнике Крамском, о композиторах Бородине и Царгомжском, о ботанике Тимирязеве, о замечательных русских путешественниках Невельском, Боинике, Полякове, «совершавших изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека».

Все его творчество так связано с русской природой, что всякий типический великорусский пейзаж давно уже у рус-

ских людей называется чеховским. Жена Чехова писала ему в Ялту из подмосковной деревни:

«Я все думаю, как ты удивительно подходишь к той чисто-русской природе, к этой шире, к полям, лугам, овражкам, уютным тенистым речкам».

В русской природе он чувствовал раньше всего ее огромность и силу. «Иной раз, когда не спится, — говорит в его письме Лопухин, — я думаю: Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами».

«Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатое русское тянулось по степи вместо дороги», — читаем в чеховской повести «Степь». — То была серая полоса, хорошо выезженная и покрытая пылью, как все дороги, но шириною в несколько десятков сажень... Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Можно было подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырские кони».

Никогда не погасла в нем любовь к этой своей Величине, к ее «огромным лесам, необъятным полям, глубочайшим горизонтам». И больше всего ненавидел он тех, кто не разделяет с ним этой любви.

«У них ни патриотизма, ни любви к литературе, а одно самолюбие», — писал он о некоторых современных ему беллетристах.

«Жизнь без отечества» он не может простить никому. С чувством гадливости, обличая в своем «Рассказе неизвестного человека» цинизм высшей петербургской бюрократии восьмидесятых годов, он наиболее мерзостным проявлением этого цинизма считает ее неуважение к России. Эти люди в рассказе Чехова со смехом клеветают на Россию и на русский народ, который будто бы «изворовался, спился, изнехнулся», и уже одного этого было достаточно, чтобы Чехов увидел в них «трусливых животных» с «проклятой холодной кровью».

Много лет спустя он вспоминал, как одно сознание, что он возвращается в родную Москву, окрашивало для него в светлые краски даже то, что при других обстоятельствах, пожалуй, не доставило бы ему удовольствия.

«Впечатление, одним словом, оказалось роскошное, быть может от того, что я возвращался на родину».

С улыбкой понимания и сочувствия изображает он в своем «Сахалине» мечты русского простого человека, изгнанника о родной земле, о России. Эти мечты он формулирует так:

«... В России все прекрасно, уютно, самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России могли быть не счастливые люди, так как жить где-нибудь в Тульской или Курской губернии, видеть каждый день избы, дышать русским воздухом само по себе уже высшее счастье... Тоска по родине выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных».

Патриотизм Чехова сказывается не только в его сочинениях, не только во множестве его дел и поступков, но и в ненасытном любопытстве к России, ко всем ее людям, словесным, племенам, городам.

Нужно было, действительно, обладать жадным до самозабвения интересом ко всему, что творится в России, чтобы к 25-летнему возрасту обнаружить такое всеобъемлющее, изумительно точное, подробное до мельчайших деталей, необыкновенно разнообразное значение России, какое высказал Чехов уже в своих первоначальных рассказах.

Если бы вдруг исчезли все письма, мемуары, документы, газеты и журналы, относящиеся к тогдашней России, эту Россию мы могли бы восстановить, как из шпала, всю сверху донизу, в малейших проявлениях ее бытия по этим мелким чеховским рассказам... Не зря исколесил он ее всю от Перми до Кубани, от Днепра до Амура, от Баку до Ново-Николаевска, и пользовался каждой минутой, чтобы еще ближе изучить ее быт; он неустанно пополнял свои знания, и к тому времени, как он воротился с Сахалина, он уже знал ее лучше, чем все, взятое вместе, с... ристы его эпохи.

Как это ни странно звучит, многие из них даже видели в этом его недостаток. Один из известных романистов вскоре после его смерти писал:

«Он увидел Россию яснее, чем кто либо, но проглядел Европу, проглядел мир...».

Этот презрительный комментарий не понимал, что Чехов потому то и сделался всемирным и всеевропейским писателем, что он так глубоко вошел в свою русскую почву, ибо творчество всякого великого мастера, будь то Моцарт или Гоголь, или Шопен, или Уитмен, лишь тогда становится достоянием всего человечества, когда в центре его космоса — родина.

Чехов и наружностью, и биографией, и творчеством — типичнейший из русских людей. Он представитель нашего народа пред всем человечеством.

Корней Чуковский,
(«Смена»).